

чающие «гиликов» от «психиков», называя последними людей, которые живут законом и верой, для которых вера общины достаточна и необходима. Центр тяжести гностицистических систем находился не в меняющихся, нам недостаточно известных деталях, но в их цели и в основных предположениях. Высшие спекуляции сообщались лишь под конец и, очевидно, не всем; о различных ступенях преподавания можно заключить из письма Птолемея к Флоре».

Так что отказ от времени и пространства, как и любовь к пространству и времени выражают онтологические цен-

ности, вызывавшие трансмутации художественных и архитектурных инициатив Нового времени и до сего дня не утратившие своей силы вопреки многочисленным редукциям их к разного рода идеологическим «заблуждениям».

Если не доводить оппозицию натурализма и интеллектуализма таких метафизических систем до крайности, можно видеть в них постоянно действующие пружины или силы критики и художественных концепций Нового времени и их онтологических оснований.

Клерикализация российского экскурсионного туризма

текст

Борис Родман

Аннотация

В современной России почти все светские экскурсии становятся похожими на религиозное паломничество – сводятся к посещению православных монастырей и храмов; много рассказывается о святых и их чудесах, ведется откровенная религиозная пропаганда, история страны преподносится в клерикально-монархическом духе.

Ключевые слова

Туризм, экскурсии, паломничество, монастыри, храмы.

Старейшим видом туризма несомненно является паломничество. С этим утверждением не согласятся многие организаторы паломнических поездок, желающие видеть в своей деятельности нечто особое и более возвышенное, нежели перемещение людей в сфере досуга по другим поводам. На мой взгляд, паломничество относится к туристской сфере не только потому, что его обслуживание туристскими фирмами, транспортные средства и дорожно-гостиничный быт принципиально не отличаются от инфраструктуры «светского» туризма. Нерелигиозный туризм, если это сложные познавательные и спортивные путешествия, а не стационарный отдых возле пляжа или многократный спуск с одного и того же горнолыжного склона, тоже в изобилии содержит элементы культа и поклонения разнообразным элементам природного и культурного наследия. Для русского интеллигента священны Михайловское А.С. Пушкина и Ясная Поляна Л.Н. Толстого. Не равнодушный к географии человек испытывает «священный трепет» при лицезрении таких гор, как Эверест, Фудзияма, Килиманджаро. Даже географическая градусная сетка сакрализована светской культурой: достижения полюсов, пересечения полярных кругов, тропиков и экватора отмечаются церемониями. Путешественник, соприкоснувшийся с такого рода особыми местами, считает себя духовно (или душевно) обогащенным.

Читая у входов в православные храмы приглашения в зарубежные паломнические поездки, я радуюсь за их участников. Любое путешествие расширяет кругозор, хотя бы немного излечивает от предубеждений и предрассудков, открывает ворота здравому смыслу. Особенно радуюсь я за своих престарелых соотечественников. Еще четверть века назад они то ли не верили в бога, то ли скрывали, что верят в него; притворно или искренне клеймили на партийных и профсоюзных собраниях американских империалистов и израильских агрессоров. Теперь эти советские пенсионеры

Abstract

In the modern Russia almost every secular excursion is starting to resemble a religious pilgrimage, while reducing itself to a visit to Orthodox monasteries and temples. A lot of stories are told about saints and their actions, an unconcealed religious propaganda is carried on, and the history of the country is presented in a cleric-monarchical manner.

Keywords

Tourism, excursions, pilgrimage, monasteries, temples.

ничтоже сумняшеся пользуются подаренными им деньгами своих потомков, занимающихся самым что ни на есть волчьим капиталистическим бизнесом, чтобы с удовольствием посещать бывшие проклятые и враждебные страны. В пестрой толпе паломников, говорящих на разных языках и с разным цветом кожи, наши россияне воочию убеждаются, что на российском православии свет клином не сошелся; что быть православным, любить Россию и обожествлять главу этого государства – не одно и то же; что много есть разных православных и неправославных христианских церквей; что разные люди по-разному поклоняются одному и тому же богу или почитают разных богов в одних и тех же общих святых местах; что трудно поверить, будто милосердный бог пошлет в ад пять из шести ныне живущих миллиардов землян только за то, что они отродясь не знали Христа. Любое путешествие хорошо, в том числе и религиозно-паломническое. А что же плохо?

Плохо, когда светский туризм усилиями его организаторов превращается в узко конфессиональное религиозное паломничество. А именно это и происходит сегодня с внутренним экскурсионным туризмом в России.

Организованное туристскими фирмами ознакомление российских туристов с культурным наследием нашей страны на 80–90 % состоит из посещения действующих православных храмов и монастырей, а большую часть рассказов экскурсоводов занимают жития святых и разные чудеса. Экскурсоводы и работники музеев навязывают экскурсантам православные взгляды вместе с паранормальными верованиями, относящимися к сфере колдовства и магии.

Правда, в последнем случае и сама господствующая церковь отмежевывается от «суеверий», но только как от своих конкурентов на рынке веры, поскольку церковные чудеса с точки зрения науки ничуть не лучше и не хуже,

чем фокусы колдунов, а в сознании большинства верующих все сверхъестественные явления имеют одну природу. Для современного российского обывателя, помимо официальной религии питающегося отбросами шарлатанской паранауки, совершенно естественно убеждение, что православные святые были экстрасенсами, владевшими «биоэнергетикой», а церковные кресты и купола суть антенны и аккумуляторы, своего рода спринцовки, сосущие и накапливающие энергию космоса. В священных узловых точках некоторой всемирной биоэнергетической сети, там, где раньше стояли языческие капища, а ныне возвышаются православные храмы, верующий может подолгу обходиться без еды, питаясь духовной пищей или, что, видимо, то же самое, солярной и астральной энергией космоса.

Подобные сведения, в изобилии льющиеся с экранов самого мощного средства массового оболванивания (СМО), подхватываются и творчески развиваются благодарными телезрителями, многие из которых, получив в молодости степени кандидатов геологических, географических, биологических, философских, педагогических и прочих «привычных» наук, ныне подвизаются в качестве преподавателей вузов, научных сотрудников и экскурсоводов музеев, называя себя докторами энергоинформационных наук, академиками многочисленных самозванных академий. Не только на толпу разношерстных туристов, но и на головы студентов в вузах и колледжах выливается коктейль из острой смеси православия с магией, включенный и в программы, причем в самых разных учебных предметах, от геологии до политологии! Делают ли это наши мелкие научные сотрудники и «треподаватели» по инструкции сверху или по велению души и сердца? Скорее второе. Они и без всякого понукания бегут впереди паровоза, нутром ощущая, куда катится вся страна. Уже родилось и выросло новое поколение носителей ученых степеней и званий, окончательно порвавшее с наукой в классическом смысле слова, но сохранившее приверженность к наукообразию. Следы былого высокого престижа науки можно считать и сегодняшние наивные попытки объяснить с ее помощью разные чудеса, в том числе левитацию и телепортацию святых, зарождение источников «святой» воды, муроточивость икон (не могу удержаться от написания через «ижизу») и т.п.

Пока где-то обсуждают, надо ли вводить в общеобразовательных школах основы православной культуры, предмет этот кустарно, самодеятельно и вульгарно преподается вне школы, на экскурсиях для детей и взрослых. Рядовые провинциальные учителя, экскурсоводы, работники музеев давно уже не мыслят никакой русской культуры вне православия. А если кто-то и мыслит, то благообразно помалкивает – как помалкивали и мы (мое поколение) в советское время, скрывая свои немарксистские и религиозные взгляды от «посторонних».

Советская марксистско-ленинская государственная идеология, строго говоря, не была безрелигиозной, она являлась ярким примером некоторой квазирелигии или новой языческой религии, даже с элементами явного теизма (догматизм, «священное писание» в виде сочинений «классиков», играющих роль богов и святых (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), поклонение мощам (нетленность коих поддерживается силами науки), культ разных святых и героев-мучеников (от Розы Люксембург до Павлика Морозова), богослужения в виде партсобраний, человеческие жертвоприношения и т.д.). Вместе с тем, непримиримость советской идеологии к традиционным религиям позволила хорошо изучать их с научно-атеистических позиций. При всех своих вульгарно-марксистских дефектах настоящий научный атеизм в СССР состоялся, так что теперь его можно продолжать на новой, гуманистической основе.

Один из уроков научного атеизма – как преподносить в светском образовании религиозные идеи и артефак-

ты – имеет прямое отношение к нашей теме, т.е. к познавательному экскурсионному туризму. В советское время многочисленные религиозные объекты фигурировали в обширном нерелигиозном контексте, сформированном искусствоведением, а также социально-экономической и политической историей общества. Постройки рассматривались в потоках влияния различных региональных архитектурных школ с учетом запаздывания волн новшеств при распространении из столиц в провинцию.

В религиозной живописи выявлялись земные мотивы, общечеловеческие страсти и ценности. Выдающиеся храмы подавались как символы усиления княжеской власти и перемещения ее географических центров. Двойко, т.е. более объективно, представлялась роль монастырей: передовые очаги хозяйственного освоения и алчные феодалы, порабошавшие местное население. Конечно, все эти аспекты по-прежнему присутствуют в научной литературе и о них специалисты рассказывают специалистам на элитарных экскурсиях, но от массового экскурсанта это «побочное» куда-то ушло, и осталась одна религия – храмы, иконы, святыне как таковые, а также творимые ими чудеса.

Российская историография для массового потребителя и так уже полна фальсификаций. (По моим подсчетам, наша «официальная» история, представленная статьями в энциклопедиях и школьными учебниками, только в XX веке пересматривалась не менее девяти раз.) Путем крайне редких и невнятных упоминаний замалчивается одно из двух огромных русских государств – Великое княжество Литовское; все наше средневековое прошлое узурпировано «наследниками» Московского великого княжества. Главным праздником современной России стал вымышленный день мифического избавления от «польских захватчиков», т.е. в основном от православных белорусов, украинцев, казаков, выступавших не под московскими знаменами. Многочисленные сражения, устроенные без всякого смысла, закончившиеся вничью или даже проигранные, а также несостоявшиеся битвы, которых удалось благообразно избежать, ныне выдаются за «славные победы».

Церковь присовокупила к этим мифам вмешательство своих святых и икон: они, оказывается, были «авторами» побед и избавлений. И даже невзятие немцами Москвы в 1941 году выдается за результат облета нашей столицы на самолете с чудотворной иконой. Но, думаю мне, по такому важному поводу данная икона могла бы летать и сама, без помощи самолета, как летела же в 1383 году над Ладожским озером на глазах у рыбаков невесть откуда взявшаяся икона Пречистой Богородицы, пока окончательно (во второй раз) приземлилась в стране вепсов на берегу реки Тихвины. А именно такими чудесами, но не реальной историей района, заполнены теперь рассказы экскурсоводов в светских государственных краеведческих музеях.

Из сообщений наших гидов ушли темы колонизации, «нешадной эксплуатации», тяготы крепостного права. В преданиях о святых, убиенных язычниками, довольно прозрачно просматривается драма захвата князьями и духовенством земель и вод коренных народов – мерян вокруг Ростова, мордвы на нынешних нижегородских землях. Живущих в XXI веке православных призывают почитать тех, кто убивал их предков, отнимал у них последние средства существования.

Князья и цари в наши дни подаются исключительно как благодетели русского народа, поскольку они ревностно служили православной церкви – главной и чуть ли не единственной хранительнице Русского государства. А важнейшим богоугодным делом наших правителей считается «воссоединение русских земель». В энциклопедических словарях отечественные монархи оцениваются пропорционально территории, присоединенной за время их правления. Согласно сегодняшним идеологическим веяниям,

наиболее святы те, кто ублажал церковь, проводил антизападную политику и нещадно истреблял внутренних врагов. Теперь можно ожидать, что после Николая II канонизируют Ивана IV и Александра III.

Клерикальность современного экскурсионного туризма выражается не столько в обилии религиозных объектов и сведений, сколько в недостатке у преподносимой туристам информации обширного светского контекста. Нет спору, преобладание в российском недвижимом культурном наследии (а стало быть, и среди объектов экскурсионного осмотра) религиозных артефактов само по себе естественно и закономерно. В допетровской России храмам уделялось несравненно больше средств и внимания, чем светским сооружениям. Наиболее надежными военными крепостями были монастыри. Церкви строились из камня и кирпича, в то время как почти все гражданские постройки оставались деревянными и часто горели. (Впрочем, по той же причине исчезло и множество деревянных храмов. Теперь они могут сохраняться лишь будучи перенесенными в городские и пригородные музеи под открытым небом или в качестве недавно построенных и действующих в городской среде, которой они генетически, органически и эстетически совершенно чужды.)

В городах, где земля быстро дорожает, деревянные дома обречены стать жертвой риелторских поджогов (нередко устраиваемых в сговоре с пожарными), а в сельской глубинке не хватает средств и сил их поддерживать. Менталитет многих россиян требует украсть или уничтожить все, что плохо лежит и недостаточно охраняется вооруженными силами. В малонаселенной местности любую выдающуюся, неохраняемую или бесхозную деревянную постройку обязательно сожгут хулиганы. Парадоксально, что самой лесистой стране мира так не повезло с сохранением памятников деревянного зодчества, в отличие, скажем, от Норвегии, Турции, Непала (сужу по личным наблюдениям).

Другой уникальный компонент российской, да и мировой культуры – русская усадьба – пребывает в более чем плачевном состоянии. После революции 1917 года сельским усадебным домам и паркам нашлось, казалось бы, неплохое применение – больницы, школы, детские дома, санатории, дома отдыха и т.п. Но время шло, постройки ветшали и уже не соответствовали новым санитарным нормам и бытовым требованиям. Сегодня переезд школы или больницы в более благоустроенное помещение означает, что усадебный дом навсегда опустел и быстро превратится в руины, не подлежащие никакому восстановлению. Если что и уцелело от прежней усадьбы, то только церковное здание, случайно не взорванное при советской власти, а ныне восстановленное для прежнего применения.

Мечты отечественных архитекторов-реставраторов и культурологов найти для русской усадьбы новых рачительных хозяев развеялись. Традиционный русский помещик жил с многодетной семьей и челядью в окружении своих крестьян, не отгораживаясь стеной от внешнего ландшафта. Его имение было исторически сложившейся экономической вершиной местности, а не произвольным вкраплением в нее. Мне трудно представить, что олигарх, разбогатевший на приватизированной добыче полезных ископаемых, согласится поселиться в старинном доме, не совместимом с современной канализацией и автомобилизацией, и подчинит свой повседневный быт делу охраны культурного наследия, пуская к себе экскурсантов за ничтожную плату и отчитываясь перед разнообразными инспекторами и комиссиями. Окруженные высокими непрозрачными заборами частные латифундии с упрятыми в глубь лесов дворцами возникают в наши дни в столичных пригородных зонах, но объектами всенародного туризма они не являются и к охране культурного наследия не имеют отношения.

Итак, мы видим, что из-за допущенного российским обществом упадка светских памятников архитектуры на перед-

ний план еще больше выдвинулись объекты религиозные, т.е. храмы и монастыри, поскольку вернулась возможность использовать их по назначению. Но этим использованием сплошь и рядом подрывается статус памятников из-за их радикальной перестройки по вкусам современного духовенства.

Один из замечательных, воистину дьявольских парадоксов российской культуры заключается в том, что в годы советских гонений на религию церковное наследие героически сохранялось самоотверженными подвижниками – научными работниками музеев, искусствоведами, художниками-реставраторами, среди которых было немало атеистов и лиц, неправославных по своему происхождению, а теперь на обладание этими сокровищами претендует церковь, не всегда способная и желающая сохранять их в том виде, который рекомендуют ученые. Для важнейших объектов федерального уровня эта проблема кое-как решена, но для второстепенных, размещенных в провинции она остается открытой.

Сегодня под золочеными крестами восстановленных храмов обычно белеют гладкие бетонные стены, синеют купола и крыши. Уже сложился какой-то единый для всей огромной России унылый стандарт. Обширные ультрамариново-синие поверхности, серебристые заборы-стены из гофрированного металла, такие же, как вокруг новорусских дворцов-коттеджей, – что может быть более чуждым для традиционного русского пейзажа! «Синители прекрасного» – так окрестили церковных горе-реставраторов руководившие нашими научными поездками профессиональные архитекторы (между прочим, весьма лояльные к религии и церкви).

Восстановленные для религиозной службы храмы в большинстве своем, строго говоря, перестали быть в натуре памятниками архитектуры прошлых веков; таковыми они являются лишь на старых фотографиях, реконструкционных чертежах и макетах. Но какими бы неуклюжими, аляповатыми, эклектичными не казались нашим профессионалам переделанные и новопостроенные храмы, они все равно интереснее и красивее каждого новорусского жилого или административного здания, не говоря уже о серо-белых советских бетонных коробках. Способность православных храмов любого архитектурного стиля украшать российский пейзаж остается незыблемой, и это, конечно же, большой плюс в пользу церкви, пользующейся колоссальными эстетическими ресурсами, накопленными русским искусством, начиная со Средневековья.

Поездки на комфортабельных автобусах в обществе «единомышленников» и единоверцев, которым можно излить душу в разговорах, восхищение разнообразием и красотой православных храмов, созерцание благолепных священников, сияющих любовью и добротой и умело демонстрирующих свое моральное превосходство над мирянами, – все это оказывает несомненное терапевтическое воздействие на основную, традиционную клиентуру церкви – женщин климактерического возраста, которые, в большинстве своем отлученные от полноценных плотских утех, «своевременно» задумались о душе и начали активно готовиться к загробной жизни. Неважно, в какой субъективно осознаваемой ипостаси явились в храм эти почтенные женщины – в качестве настоящих паломниц, заранее облаченных в длинные юбки и головные платки, или в составе светских экскурсий, нацепив маскардные тряпки, выданные им при входе в монастырь. (О, как легко обмануть бога, лишь слегка переодевшись!) И те, и другие посетительницы осеняют себя крестным знаменем, покупают и ставят свечи, заказывают молебны о своих близких и родственниках, интересуются церковной литературой, опускают деньги в прозрачные церковные «кружки» (для неверующих или не доверяющих попам – на реставрацию храма; не исключено, что потом все деньги валяются в одну кучу). Все это и дает нам повод рассуждать о фактическом

слиянии нерелигиозного познавательного туризма с профессиональным паломничеством.

Сегодня не верующие в бога, третируемые православными фундаменталистами, находятся в таком же незавидном положении, в каком находились в ранние советские годы верующие, шельмуемые воинствующими безбожниками. Одного чересчур активного православного, оказавшегося в экскурсионном автобусе, бывает достаточно, чтобы извратить запланированную экскурсию, направить ее всю в паломническое русло. На робкие замечания, что надо бы посетить знаменитый водопад или подольше задержаться в природном национальном парке, последует шиканье конформистского большинства: «Как вы можете возражать, ведь это же наша культура!»

Преподносимая ныне провинциальными экскурсоводами упрощенная картина российской истории и культуры на все сто процентов является клерикальной, монархической и военно-патриотической. Иные точки

зрения пока не исчезли и формально не запрещены, они представлены в Интернете и даже в книгах, все еще где-то продаваемых, но при генерализации материала для массового слушателя и зрителя они выпадают, остается лишь «чистая» религия, а экскурсовод становится ее примитивным проповедником. Какую бы явную чушь он не порол, стоя с нами возле паперти храма или у стен монастыря, никто, находясь в столь «святом для каждого русского человека месте», не посмеет хотя бы малейшим возражением нарушить благостный ход туристско-экскурсионной «литургии». Мы снова дожили до такого времени, когда инакомыслие считается ересью, а самые слабые сомнения в содержании и уместности самостоятельных проповедей клеймятся пугающим термином «кошунство».

В статье обобщены впечатления, полученные в 2002–2012 годах, в том числе на экскурсиях, организованных для участников научных конференций, а также в экспедиционных поездках Общества изучения русской усадьбы.

Проект Байкал продолжает рубрику ФОТОГАЛЕРЕЯ работами Аллы Арцис. Представляем читателям две фотографии с ее выставки, проходившей не так давно в Центральном доме архитекторов в Москве.

